

( ) // " " :
: " " :
2014. - .1. - .85-87.

Смыслова (урожд. Вебер) **Виктория Эдуардовна**
Родилась 08.06.1941 г. в Республике Немцев Поволжья
Проживает в Петербурге

Моему двоюродному брату (звали Александр Петрович Керн) было 18 лет, когда его вместе с моим отцом взяли в трудармию. В 1996 г. он мне рассказал следующее. Немцев Поволжья в сентябре 1941 г. погрузили в 2 эшелона (всю деревню) и отправили в товарных вагонах на Алтай. Мне тогда было 3 месяца. Со мной были мама, папа, все родственники. Привезли в село Ракиты Рубцовского района Алтайского края. Вырыли землянку, покрыли дёрном, стали жить. Работали в колхозе, скота никакого не имели. Из вещей взяли только то, что можно взять в руки. В колхозе одни пустые трудодни. Ели сусликов, ёжиков. Топили кизяками, хотя рядом лес. В декабре 1941 забрали всех мужчин, начиная с 18 лет до 60. Забирал военкомат. В Рубцовске всех собрали, потом погрузили в товарные вагоны и повезли прямо в Котлас. Объявили, что везут в трудармию. Женщин тоже, отдельно от мужчин, забрали в трудармию. Остались только те женщины, у которых были малые дети. Но женщин повезли не в те места, где были мужчины. Когда Александр Керн с моим отцом Эдуардом Яковлевичем Вебером прибыли в январе 1942 г. в Котлас, то их разместили в овощных складах. Нары двухэтажные, питание очень плохое. Люди были истощены. На медицинской комиссии они должны были раздеваться догола и в наклонном положении поворачиваться к комиссии задом. Когда он это рассказывал, то просто рыдал от унижения. Он не знал, для чего это делается. По результатам комиссии их распределяли по баракам в зависимости от состояния здоровья (трудоспособности). Поэтому он и отец оказались в разных бараках. Когда Александру сказали, что его дядя умер, он пришел в его барак. Ему пока-

зали труп в штабеле мертвецов. Он мог увидеть только его голые ноги, больше ничего видно не было из-за других трупов. И тут же надо было идти на работу. Ему объяснили, что сани с трупами на кладбище потянет трактор. Там в вырытый ров сталкивали трупы и зарывали. Вокруг барачных была колючая проволока, охрана, собаки. Зимой охрана ходила в тулупах, валенках, шапках. А трудармейцы были обуты в резиновые шины (покрышки), одежды было мало, снимали с мертвых, чтобы одеться самим. Перед выходом на работу их долго считали на морозе. Некоторые не возвращались с работы, умерев там, прямо на работе. Пока все не выяснят и не проверят списки, не пускали в зону. Александр вернулся на Алтай в село Ракиты, кажется, в 1947-м. Я знаю только двоих, вернувшихся из трудармии. Что отец умер, это нам написал Александр. О не вернувшихся никто официально не сообщал, узнавали друг от друга. Когда я уже пошла на пенсию, я послала запрос об отце и получила справки и свидетельство о смерти отца. А тогда мама и другие женщины запросов никуда не писали. Когда Александр вернулся, он был очень худой, одни глаза. И он сквозь слезы улыбался тому, что остался жив. И ничего тогда не рассказывал, мы ничего не узнали. Почти через 50 лет рассказал, в 1996 г. Сказал, что его спасло от холода и смерти теплое шерстяное одеяло, которое дала ему его мать при отправке в трудармию. Он обматывал этим одеялом поясницу и не снимал ни днем, ни ночью. На Алтае его снова поставили на спецучет, отмечался у коменданта. Комендант приезжал регулярно в Ракиты и всех немцев проверял по спискам. Покидать поселок было запрещено. Я хотела узнать про Шнайдера Андрея из нашей деревни. Его забрали в трудармию от жены с пятью маленькими детьми. Никаких вестей не было о нем. Дети выросли без отца. Считают, что отец выжил и остался в Котласе. Еще хотела узнать об одном по фамилии Гиблер, имени и отчества не помню. Он мне тоже рассказывал о трудармии в Котласе, но он был взят из Казахстана. Других, которые были в Котласе и выжили, я не знаю. Александр сказал, что письма можно было писать, но цензура многое вычеркивала. Пытались родные прочитать вычеркнутое, но плохо удавалось. В конце пребывания в трудармии от родных приходили посылки, но при проверке часть продуктов изымали охранники. После войны режим стал легче. А когда отпустили,

то опять попали под комендатуру, которая не разрешала выезжать за пределы своего колхоза. Даже брали отпечатки пальцев. Мама вышла замуж за другого, за высланного из Эстонии финна. Их маленький сын заболел воспалением легких. А комендант приезжал 1 раз в три месяца. Приезжал на один день, даже не ночевал в деревне. Он всех проверял, брал отпечатки пальцев и уезжал, а в отсутствие коменданта никто не мог разрешить отвезти ребенка в больницу. Мама ушла с ребенком в больницу за 46 км в город без разрешения. Там её сразу же арестовали. Допрашивали, что она доносит и кому, как разведчица. Только через сутки отпустили к врачу.

Записала И. А. Дубровина 17 мая 2009 г.

Р. С. В. Э. Смылова в 2009 году приезжала в Котлас, посетила могилу мостостроителей на кладбище в Заовражье, укрепила на оградке памятную таблицу об отце, встречалась с потомками немцев, строивших мост.